

МУБАРАК РАБИ

Добрые люди

РОМАН

Мубарак Раби
Добрые люди. Роман

«Издательские решения»

Раби М.

Добрые люди. Роман / М. Раби — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507349-5

Главный герой романа — Касем, бывший учитель, а ныне студент университета, пытается найти свое место в жизни. Служение золотому тельцу, алкогольный дурман, приобщение к суфизму — все эти поиски пути приносят ему лишь разочарование. Остается путь политической деятельности, воплощенный для него в бунтарстве студентов. Ценой нелегких испытаний Касем избавляется от юношеских иллюзий о «всемирной доброте», которой нет и не может быть в мире, где царит социальная несправедливость.

ISBN 978-5-00-507349-5

© Раби М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Добрые люди Роман

Мубарак Раби

Переводчик Ольга Власова

Художник Медат Кагаров

© Мубарак Раби, 2019

© Ольга Власова, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-7349-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мубарек РАБИА (Марокко)

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Перевод с арабского О. Власовой

Глава 1

Эп... Эпв... Эпи... Карточки быстро и нетерпеливо мелькали в руках... Наконец, он остановился и глубоко вздохнул: вот он, Эпиктет¹, и стал переписывать на отдельный листок шифр и название книги. Ему все никак не удавалось найти в каталоге это имя, эту книгу, еще минуту назад казалось, что все студенты сразу после лекции бросятся заказывать ее в библиотеке. Как только профессор закончил лекцию, Касем сразу устремился туда, а за спиной у самого уха ему слышалось чье-то дыхание и топот бегущих ног, норовящих обогнать его, и уже перебирая карточки, он ощущал чьи-то огненные взгляды, обжигающие ему шею, пальцы, уши.

Наконец, он оглянулся, словно желая объявить друзьям о победе, о том, что ему удалось разыскать книгу, этот бесценный раритет, а в ушах у него уже звучал брагурный марш: «Всего только один экземпляр, и мне, мне удалось найти его!» Но никто этого не слышал, никого, кроме него, здесь не было, даже библиотекаря. Тишина. На полке, где студенты обычно оставляли портфели перед тем, как войти в читальный зал, он увидел всего один портфель, судя по всему, какой-то студентки или одной из служащих библиотеки.

Касем направился в читальный зал и, войдя в него, тут же устремился к библиотекарю, который на другом конце зала разговаривал с кем-то сидящим за столом. Касем подошел к нему и протянул библиотечное требование, тот выразительно взглянул на часы, и только теперь Касем заметил, что было уже десять минут первого. Библиотекарь недовольно проворчал: «Уже нет времени». На лице Касема отразилось глубокое разочарование, и он в смущении опустил руку:

– Простите, совсем забыл об этом.

– Ничего. – смягчился библиотекарь, видя смущение Касема, – давайте сюда ваш заказ, пока эта девушка еще тут посидит, поработает несколько минут.

Он поднялся по стремянке, а Касем проводил его нетерпеливым взглядом. Как великолепен был сегодня профессор на лекции, Касему показалось, что тот никогда еще не был так красноречив и не вкладывал столько смысла в свои слова, никогда еще его лекции не были такими глубокими по содержанию. Касем не знал точно, что больше всего взволновало его, но отголоски этих мыслей были близки ему, они проникали в самое сердце, словно все это он уже знал раньше и сам пережил это. Интересно, было ли это и на самом деле верным или только отражало единство характеров и мыслей... А может быть, знание передается генетической памятью, как считают некоторые? Он не знал точно. Но образ философа, который постиг тайну, приподнял с нее завесу, не отступив перед «чашей и ночным путешествием», всецело завладел им.

Этот покой, умиротворение, безмятежная ясность, – все это находило в нем отклик, он и сам не мог определить, с каких пор этот спокойный и уверенный голос отвечая тому, что творилось в его душе, и не случайно. Казалось, что весь мир жаждет этого покоя и безмятежности, воспевают и хочет обрести их... Однако он нашел это только в эпохе философа-стоика, так как превзойти его? Да, конечно, человек – это неразгаданная тайна. И куда он идет теперь? Действительно, это очень сложная проблема... Он услышал звук шагов по металлическим ступенькам, показался библиотекарь, державший в руках книгу. Касем взял книгу и быстро заглянул в конец, листая потрепанные широкие листы, а когда, наконец, оторвал взгляд от книги, опасаясь налететь на скамейку, его глаза встретились с глазами какой-то девушки, которую он

---

¹ Эпиктет (ок.50 – ок. 140) – греческий философ-стоик. В центре его учения – выработка и сохранение такой нравственной позиции, при которой человек в любых условиях богатства или нищеты, власти или рабства сохраняет внутреннюю независимость от этих условий и духовную свободу.

до сих пор не замечал, она была здесь одна, но Касем стоял совсем рядом с ней, когда передавал библиотекарю заказ на книгу. А до этого библиотекарь разговаривал о ней. Что-то неясное мелькнуло в памяти. Он заметил, что она смотрела на него или точнее взглянула, когда он с библиотекарем стоял рядом с ней, но не обратил на нее особого внимания. Он схватил в руки книгу и был целиком поглощен только ею, ничего не замечая вокруг. Ему показалось, что эта девушка уже давно и упорно смотрит на него, улыбаясь о какой-то укоризной. Наконец, рассмеявшись и обнажив в улыбке ровные и белые как жемчуг зубы, она произнесла:

– Ты очень изменился, Си² Касем.

Он ответил смущенно:

– Как, неужели это ты? Прости, я тебя не видел. То есть я был очень занят. Как поживаешь?

– Ничего, – ответила она, складывая бумаги и собираясь уходить. – А тебя, кажется, совсем проглотили книги.

– Скорее, я сам их глотаю.

Они оба рассмеялись, вышли из библиотеки и пошли по коридорам факультета. Он прибавил уже серьезно:

– На самом-то деле, чтение всех этих книг мне дается с большим трудом. Я все еще страдаю от того, что слабо знаю иностранные языки. Мне не так везет, как тебе.

– Как мне? – вздохнула она.

Касему показалось, что Хания погрустнела. Она была смуглой, высокой, стройной, на ней был ослепительно белый плащ, который еще более подчеркивал ее элегантность, она шла спокойно и уверенно, но во всей ее внешности не было ничего веселого, кроме длинных густых волос, рассыпанных по плечам.

Он сказал ей, меняя тему разговора:

– Давай не будем говорить об этом. А как дела на работе?

– Ничего. Идут потихоньку.

– Конечно. С тобой всегда все шло нормально, – тут же откликнулся он, улыбнувшись.

Она обернулась с улыбкой, в которой сквозил упрек за его неожиданный комплимент, и он поспешно прибавил:

– Я совершенно не собирался говорить комплиментов, клянусь тебе. Если бы ты меня знала получше, то убедилась бы, что я совсем не мастер на комплименты.

– Возможно, – она сжала губы. – Я вспоминаю, что ты поступил в университет через несколько дней после того, как я приняла руководство школой. Я помню, что директор, которая была до меня, очень сдержанно отзывалась о тебе, когда передавала мне дела. Кажется, она оказала, что ты очень упрямый или что-то в этом роде.

Он ответил ей уже у самой двери факультета:

– Может, по мнению некоторых, я и был таким, даже сам о себе так иногда думал... И все же есть здесь кое-что такое, что я не приемлю в поведении некоторых людей. Возьми, к примеру, ту самую директоршу, которую ты сменила. Она была доброй, воспитанной, но временами творила что-то невообразимое, особенно по отношению к учительницам, с мужчинами-учителями она была намного добрее, а это не к лицу руководителю учреждения, как бы хорош он не был. К тому же очень часто она говорила про себя, что в жизни ее интересуют только журналы мод и прочие издания подобного рода... А это, я считаю, главный порок для того, кто руководит образовательным учреждением. Здесь руководство и управление заключается прежде всего в воспитательной работе, и она требует от руководителя прочного запаса знаний и общей культуры, которую не могут дать только журналы мод или кино.

---

² Си – сокращенное от «сиди» (арабск. «мой господин»). Уважительная форма обращения к мужчине в странах Северной Африки.

– Верно, – согласилась с ним Хания.

А он продолжал оправдываться за свой неожиданный комплимент:

– Так что ты видишь, что я отнюдь не делал тебе комплиментов, ты по-настоящему образована и тянешься к книгам, даже пускаешься в путь и преодолеваешь расстояния ради них.

Она прервала его с легкой улыбкой:

– Очень логично, господин Касем,

Она умышленно назвала его «господином», чтобы придать своим словам излюбленный ироничный оттенок, и прибавила, стараясь сменить тему разговора:

– Ну что же, поговорим теперь о тебе. Когда тебе на несколько дней поручили руководство школой, я узнала, что ты прирожденный педагог, и тебя очень любят ученики, поэтому, когда ты подал заявление об университетской стипендии, я сначала

хотела возражать, чтобы сохранить тебя для школы, и все же я не сделала этого, особенно потому, что надеялась, что и мне когда-нибудь предоставится возможность пойти учиться в университет.

Он ответил, шутливо прокомментировав ее слова:

– А, может быть, ты просто поняла, что мое поступление в университет для тебя лучший способ отделаться от такого упрямаца, как я.

Хания от души рассмеялась:

– В любом случае у тебя не было времени проявить свое упрямство по отношению ко мне, В школе ты провел всего лишь неделю или две под моим руководством.

Она хотела еще что-то прибавить, но он спросил ее:

– А что нового в школе?

– Ничего нового, – ответила она. слегка пожав плечами. – Если не считать небольшого садика, который устроили для того, чтобы отделить класс мальчиков от класса девочек.

– Странно, что тебя меньше стало интересовать руководство школой.

Она ответила ему с откровенной грустью:

– Ах, если бы не особые обстоятельства, то я вообще не стала работать и только бы училась, уже прошло три года, как ты ушел из школы. И, на самом деле, многое изменилось. Там уже больше не чувствуется той семейной обстановки, которая царила среди учителей, ничего от этого не осталось... Кажется, что каждый в одиночку преследует какую-то свою цель и движется в своем направлении.

Казалось, и Касему было жаль этого:

– И в самом деле странно, – сказал он. – Я все еще вспоминаю те прекрасные праздники, которые мы постоянно устраивали вместе у кого-нибудь дома или в школе, когда не было уроков... Как весело было... А какие праздники устраивали в конце учебного года. Странно, что все изменилось...

– Все-все теперь иначе, как будто каждый из нас – одинокий остров, мне теперь очень часто трудно бывает собрать всех вместе.

Она медленно спустилась по ступенькам, удаляясь от больших железных ворот факультета. Он спросил:

– А как сейчас у тебя настроение?

– Никак, – ответила она равнодушно. – Пытаюсь занять себя тем, что заочно учусь на факультете. Каждый вторник приезжаю в столицу, какое-то время провожу в библиотеке, хожу на лекции... Одалживаю конспекты у студентов, чтобы прочесть то, что пропустила... Но все это только для того, чтобы чем-то занять себя. А на серьезную учебу или на какие-то успехи я уже и не надеюсь.

– А я и не думал, что такие как ты могут поддаваться отчаянию.

Она ответила, устремив взгляд в небо, сливающееся с морем у горизонта, чтобы скрыть свое волнение:

– Отчаяние, надежда, – все это для меня не имеет смысла. Но когда она снова взглянула на него, на ее лице он ясно различил следы глубокой печали, которую она пыталась скрыть. Она ничуть не изменилась с тех пор, как они познакомились: красивая, держится с достоинством, серьезная, как говорят, профессия накладывает свой отпечаток. И все же легкая грусть не покидает ее.

Она оказала, опять бросив быстрый взгляд в сторону горизонта:

– Может быть, я тебя задерживаю.

– Нет, что ты, – ответил он, прижимая к груди большой том. – Это такая замечательная встреча... Мы ведь старые друзья. Я хотел бы пригласить тебя к нам на обед... Но то, что готовит моя мама, и мне не слишком по вкусу, не говоря уже о том, что это слишком просто для тебя.

Она искренне улыбнулась, но он все же успел заметить, как след печали промелькнул на ее лице, или это ему только показалось. Сверкнули в улыбке ее жемчужные зубы, и она сказала, все еще пытаясь справиться с улыбкой:

– Не волнуйся по этому поводу. Ты теперь заправский студент. И если ты не против, то я приглашаю тебя к своему столу в любом приличном ресторане, который попадется на пути.

И добавила, прежде чем он успел найти слова для ответа:

– Не говори, пожалуйста, что я «слишком великодушна к тебе». Я еще, может быть, буду эксплуатировать тебя для какой-нибудь работы.

Он еще сильнее прижал к себе книгу, словно это предложение застало его врасплох. Он не принял всерьез ее приглашение. Отказаться? Но какой смысл? И он ответил:

– У меня никаких возражений! Абсолютно никаких... Только...

Но она опередила его:

– Ну что же, тогда пойдём.

Он сел рядом с ней в машину, все еще продолжая прижимать книгу к груди. Какое-то время они молчали, машина неслась к центру города, и Касем не переставал удивляться, с каким мастерством Хания водит машину, глядя, как ее руки ловко поворачивают руль.

– Ты прекрасный водитель, – пробормотал он и добавил. – Но говорят, что с женщинами аварии случаются в два раза чаще.

Остановившись перед красным сигналом светофора, она ответила ему, улыбаясь:

– Чего только о нас не говорят!

А потом внезапно спросила:

– А с кем ты здесь живешь?

– С мамой и младшим братом, он учится в средней школе. Очень маленькая семья.

Они вошли в ресторан. Место было красивое и спокойное над скалистым берегом. Отсюда открывался вид на море в месте впадения реки Буракрак³. у подножия скал с грохотом разбивались волны, но сюда доносился лишь слабый рокот из-за огромных закрытых окон ресторана. До самого горизонта простиралась безоблачная голубизна, в которую закрадывались белыми точками морские птицы, летящие во все стороны. А еще дальше виднелись очертания города Сале⁴ на другом берегу реки и темный песок речного берега, вздымаемый белыми птицами, лежащими на нем.

Хания спросила Касема, когда они устроились за столиком:

– Как тебе живется здесь?

– В Рабате трудно, – ответил он. – И жить здесь совсем неудобно. Но все же я привык. Сначала было гораздо хуже. Я очень страдал от одиночества, а теперь я привык и даже любил его...

---

³ Буракрак – река в Рабате, столице Марокко.

⁴ Город, расположенный на другом берегу реки Буракрак по соседству с Рабатом.

Он немного помолчал, а потом спросил:

– А ты привыкла к этим еженедельным поездкам в столицу?

– Я только пытаюсь занять себя чем-нибудь, как я уже тебе сказала, я не стремлюсь к успеху... Мой муж не может перевести свой бизнес в столицу, а для меня и административная работа, и подготовка к урокам довольно утомительны... Все это не дает мне всерьез заняться университетскими делами.

Он не раз уже думал об этом и был готов задать этот вопрос, подбирая лишь слова, когда она прибавила:

– Кстати, я тебе сказала, что прошу твоей помощи и надеюсь, что тебе это не составит труда.

Он ответил, словно очнувшись от ее слов:

— Конечно, с радостью.

– Я хочу, если ты, конечно, можешь, – продолжала она, – чтобы на этой неделе ты посидел вместо меня на нескольких лекциях. На одной или двух, я считаю их очень важными. Не думаю, что тебе придется терять время, потому что это лекции по философии. По-моему, я тебя убедила. Ну как, согласен?

Последние слова она произнесла с заметной радостью, а он ответил:

– Идет, считай, что ты меня уговорила, но, может быть, я еще мог бы чем-нибудь тебе помочь?

Она поблагодарила его, а потом, взглянув на часы, сказала:

– Я должна быть на уроке ровно в два.

Он очистил апельсин, а она опять устремила взгляд к горизонту, и он невольно залюбовался ей: «третий десяток пьянит как вино». Она сказала ему:

– Посмотри, правда красивое место?

– Красивей, чем я себе представлял. Я и не думал, что в столице есть такие тихие и красивые уголки.

– Не надо думать об этом городе хуже, чем он есть на самом деле, – улыбнулась она.

– С сегодняшнего дня я буду смотреть на жизнь с большим оптимизмом

После ресторана она подвезла его на машине, он вышел на полпути к университету, куда она направлялась, и быстрым шагом пошел к дому, который находился в западной части города.

Глава 2

Как только мать открыла дверь, до него донесся надсадный кашель из дальней комнаты. Касем вопросительно взглянул на мать. Она сказала, прикрывая дверь:

~ У нас гость, Касем.

– Кто?

Она что-то прошептала в ответ, и он следом за ней направился в комнату, подумав про себя: «Ах, дядя приехал, ну что же, добро пожаловать».

Не успел старик тяжело приподняться с места, как Касем, опередив его, подошел к нему, обнял, не давая встать.

– Не утруждайте себя, дядя, отдыхайте, как ваши дела?

Тело ребенка и лицо глубокого старца, – таким показался Касему дядя, весь сгорбленный от старости.

Старик ответил, глядя на Касема увлажнившимися глазами из-под густых седых бровей:

– О Аллах... Как ты повзрослел, Касем, вырос, настоящий мужчина.

Касема ничуть не смутил такой тон, он показался ему просто глупым. Это был тон человека, который не замечает, что жизнь движется вперед. Уже от многих знакомых ему приходилось слышать – слух его привык к этому – что он вырос, стал мужчиной, словно ему было суждено по-прежнему оставаться ребенком, каким они его знали, когда он уехал из деревни. Но сами они словно не замечали, что тоже стареют с течением времени. Но кто знает? Может, эти их слова о его взрослении, звучащие с укоризной, были лишь неосознанным желанием не признавать своей старости. Было ли так на самом деле?

Старик зашелся в кашле и долго не мог остановиться. А Касем стал расспрашивать его:

– Рады видеть вас в нашем доме, дядя, как ваши дела?

Старик отдышался, провел рукой по густой бороде, стряхнув с нее несколько приставших перышек:

«Слава Аллаху, сынок. А вот ты, вырос и забыл родные края.

Его снова охватил приступ кашля:

– Вы больны, дядя? – спросил Касем, поправив за его спиной две высокие подушки: – Устраивайтесь вот так, поудобнее.

Мать Касема все еще стояла в дверях, наблюдая за первой встречей своего сына с дядей, а потом, словно убедившись в «знакомстве», которое состоялось между ними, ушла на кухню.

Старик снова принялся разглядывать племянника;

– О Аллах, Я словно опять перед моим покойным братом. О Аллах, Аллах! Касем вспомнил старую фотографию отца, и ему вспомнились слова, сказанные матерью много лет тому назад:

– Ты так похож на покойного отца, Касем. У тебя ведь есть дядя. А он совсем не похож на твоего отца. Их было два брата, отец был младший. От деда ему досталось крепкое здоровье, красота, искренность, сердечность, а его брат, твой дядя...

И Касем почувствовал, что сам сейчас вглядывается в это немощное создание, сидящее рядом с ним. Если бы ему сбрить бороду, то от его лица, пожалуй, ничего бы не осталось.

– ...Твой дядя, Касем, – вновь пришли ему на ум слова матери, – богатый крестьянин, вся деревня ходит у него в должниках, но он жесток и не знает пощады.

Старик опять заговорил:

– Грех, сынок... Касем... благородному человеку не пристало забывать о родине и об отчьем крае... Но ты за это не в ответе. Взрослые виноваты. Причиной всему твоя мать. Я сказал ей об этом час назад. Это – грех, большой грех, сынок... Ты обязательно должен познакомиться со своей родней.

Он умолк ненадолго, отдышался и прибавил неодобрительно:

– Я – твой дядя, самый близкий тебе из всех человек, а ты меня не знаешь, да и я тебя не знаю, спаси нас Аллах... И детей моих, братьев своих ты не знаешь, и они с тобой не знакомы...

Он опять замолчал, и на его лице ясно отразилась грусть. Потом заговорил снова, еле выдавливая слова из своего тшедушного тела:

– Меня с моим покойным братом разлучила только смерть. Всю жизнь мы были неразлучны с тех пор, как покинул нас отец, да ниспошлет ему Аллах свою милость. Мы обзавелись семьями. Родились дети. И мы не расставались до тех пор, пока нас не разлучила смерть. Воистину, на все воля Аллаха.

Он зашелся в кашле и долго не мог остановиться, а потом продолжил:

– Как же так! Двадцать лет, а то, может, и больше прошло, и я ни разу не видел тебя. Могло случиться и так, что если бы мы встретились ненароком на улице, то и не узнали бы друг друга. Вот уж грех, так грех!.. Когда Фатима, твоя мать, оставила деревню, ты еще грудь у нее сосал... Ах, как время летит... Сколько я ждал, что она когда-нибудь вернется вместе с тобой. Она ушла из деревни ночью, я все еще вспоминаю, как это было... Сколько я расспрашивал, сколько пытался вернуть ее, но на все воля Аллаха, сынок, ведь сказано, что суждено нам только то, что начертано Аллахом.

К лицу старика прилила кровь, он шарил вокруг себя руками, словно пытаясь найти что-то, и, наконец, схватил небольшой пластмассовый пульверизатор со стеклянной изогнутой трубкой наверху и впрыснул себе из него в горло желтую жидкость. Было видно, что он изо всех сил борется с приступом кашля и одышкой. А Касему, когда он наблюдал за движениями старика, вспомнились слова матери: «Он много расспрашивал о нас в первое время... Пытался связаться со мной в городе... У меня тогда было мало молока, и мне часто приходилось отрывать тебя от груди... И в то время я уже носила под сердцем твоего брата Ибрагима. Да, я все это хорошо помню, сынок... Сам твой дядя, когда навестил меня в городе, с гневом тыкал пальцем мне в живот и говорил, что не желает видеть тебя в этом чужом огромном городе. И еще он много чего говорил... Я очень хорошо помню все, дядя твой не мог не знать, что я в то время была беременна. Он пытался заставить меня вернуться в деревню три или четыре месяца спустя после смерти твоего отца... Твой дядя злился на меня, но я рассердилась на него еще раньше, и гнев мой был очень сильным, и я не видела его больше после этого...»

Касем невольно кивнул, словно соглашаясь с этим доносившимся из прошлого голосом матери... Сколько раз повторяла она ему эти слова: с тех пор как он подросток и стал кое-что понимать в жизни, разговор между ними всегда возвращался все к этому: «... Твой дядя болен, Касем, он в очень тяжелом состоянии, не оставляй его никогда, исполни перед ним свой долг, пока он еще жив... Да снизойдет на него проклятье и наказание Аллаха, Клянусь тебе, сынок... Это началось о тех нор, как он отнял и засеял землю юродивой аль-Мадждубы... Она, бедняжка, умерла спустя несколько месяцев после этого... За землю он дал ей кусок хлеба, который она своим трудом добывала в его доме... В нашем общем доме. Она и ее малыши... Потом случилась какая-то ссора. Я даже и не знаю из-за чего. Наверное, причиной тому была одна из жен твоего дяди. Он прогнал юродивую аль-Мадждубу и отнял у нее землю... После этого напал на него этот недуг... Обрушился на него и не отпускал два дня, да так, что он едва мог дышать. Юродивая аль-Мадждуба распустила косы, измазала голову землей и призывала на него все злые силы... Она умерла после этого... Любой в деревне знает, что это ее проклятье обрушилось на него, но все они его боятся...»

– Вы были у врача, дядя?

Старик горько усмехнулся:

– Врач – это Аллах, сынок... От этого нет лекарства...

Он провел рукой по бороде и завершил свою речь словами:

– Здоровью, сынок, как дырявому яйцу, ничем не поможешь...

Касем, желая сменить тему разговора, спросил:

– А как земля, дядя?

– Урожаи все меньше год от года, – ответил старик, улыбнувшись. – Но Аллах милосерден к рабам своим, на жизнь хватает. Даст бог, навестишь нас и сам помотришь на землю и на братьев.

– Иншаалла, дядя, – ответил Касем, снова мысленно погружаясь в старые истории, которые рассказывала ему мать: «... Не только история с юродивой, много подобных ей историй с землей было в жизни твоего дяди. Отец твой был добрый человек, он выступал против дяди, но он был младшим, и дядя хлестал его по щекам, когда тот осмеливался поднять против него свой голос. И тогда отец твой поклялся, что он не останется в доле со своим братом и потребовал от него то, что ему принадлежало по праву, между ними разгорелся спор, в который вмешались жители деревни, чтобы рассудить их... Раздел произошёл так, как этого добивался твой дядя, он избавился от того, что ему было не нужно, и взял себе все, что хотел, а после смерти твоего отца он вновь все прибрал себе к рукам...»

Касем прислушался к скорбному голосу дяди:

– Как мне хотелось самому воспитывать тебя, чтобы ты ни в чем не знал нужды. Поэтому я продолжал присылать немного продуктов твоей матери, когда вы жили в Касабланке, но она падала все ниже...

«... Помощь, продукты? Да как ему не стыдно говорить об этом, сынок, с какой целью он посылал мне эти продукты? Если бы ты знал, сынок, да и что это были за продукты? Совсем чуть-чуть... Он захватил себе всю землю твоего отца, а посылал мне лишь горстку зерна. Если бы я была более осмотрительной, то не оставила бы наследства, а купила бы на него дом. Тогда бы мне не пришлось тяжело трудиться, выбиваясь из последних сил, день и ночь. Ну да что уж там. Слава Аллаху, обошлось...»

Старик втайне любовался своим племянником и продолжал ему рассказывать о событиях давно минувших дней:

– Прошло около двух лет после смерти твоего отца, когда мать ушла вместе с тобой из деревни.

А в памяти Касема зазвучал голос матери, говорящий с ненавистью: «... Не прошло, наверное, и одного-двух месяцев со смерти твоего отца, и я носила в своем чреве Ибрагима...»

Старик продолжал слабым голосом:

– Я догнал вас и обнаружил, что твоя мать купила полуразвалившийся дом, две комнаты в нем сдала постояльцам, а третью заняла сама. Теперь это уже, конечно, дело прошлое, но тогда я был ей очень недоволен. Я увидел, что она сильно изменилась, похудела, пояс на ней был затянут как на палке, да и ты тогда был очень тщедушным. Я ей пальцем указал на это. Да, я все еще вспоминаю, как я ей и на тебя указал пальцем и сказал: «Я не желаю, чтобы сын моего брата жил в таком положении, а до тебя не и дела нет...»

«... Он ткнул пальцем в мой округлившийся живот и сказал, что не желает, чтобы ты и тот ребенок, который должен появиться на свет, твой брат Ибрагим, жили в таком положении...»

– Мать твоя тогда отказалась вернуться, – продолжал старик. – А мне после этого так больше и не удалось увидеть вас.

Он умолк ненадолго, глядя в лицо Касему, словно желая сказать: «Ты теперь мужчина и можешь понять и рассудить. У меня тоже была мать, да ниспошлет ей Аллах свою милость, стал понимать в делах женщин, когда был еще моложе, чем ты

теперь, в любом случае, мы возвратим остальные земли с до-мощью Аллаха, а доли твоего отца по-прежнему в моих руках». Касем улыбнулся этому очевидному лицемерию:

– Спасибо тебе, дядя.

Старик долго, улыбаясь, глядел на Касема, а потом сказал:

– Матери твоей неуютно здесь, это заметно, может быть, ей лучше бы было остаться в Касабланке.

– Да я и сам никак не могу привыкнуть к жизни в столице, – согласился с ним Касем, – только недавно втянулся. Но у меня нет выбора. Мне тоже было нелегко оставить город, в котором у меня столько друзей и знакомых.

Старик пробормотал себе под нос, словно говоря с самим собой:

– Да, человек должен быть жесток к себе во многих случаях жизни.

«...Твой дядя, сынок, самый жестокосердный из людей, я не видела никого более жестокого, чем он. Только один раз мне довелось увидеть, что он страдает, даже слезы стояли у него в глазах, но это был первый и последний раз. Произошло это, когда на нас обрушилась большая беда. Твой отец по характеру был совсем другим, не как дядя, да вообще он отличался от всех феллахов, от всех жителей деревни. Он был нежный, любящий... Это произошло меньше чем через год после раздела между отцом и дядей, такова уж судьба. Тебя еще и в помине не было. Я вспоминаю тех великолепных лошадей с блестящими сбруями и машину, к которым мы тогда еще не привыкли в деревне, и французского судью, приехавшего к нам в сопровождении уездного шейха⁵ и каида⁶. Они собрали всех жителей деревни и стали говорить им о земле деревни такие речи, которые совершенно не обрадовали жителей деревни. Переводчик говорил: «Махзен⁷ желает построить фабрику на реке, а для этого требуются земли, чтобы построить дома и сады и еще многое другое для Франции... Мы-то догадывались, что в конце концов из-за этого жители деревни потеряют большую часть своих земель, а из этих земель большая часть была во владении нашей семьи и особенно во владении твоего отца. Жители деревни отказались повиноваться, я очень хорошо помню, как твой покойный отец сказал прямо в лицо судье и каиду: «Это только уловка, чтобы отнять нашу землю», а потом повернулся к жителям деревни и сказал: «Вот вы сейчас молчите, а ваше положение потом будет, как у потомков Самуда и Хама⁸ и прочих племен...» Солдаты, приехавшие с ними, схватили твоего отца, дядю и еще нескольких мужчин, потом после пыток отпустили. И опять в деревню вернулись эти красивые лошади и машина. Переводчик выкрикнул несколько имен старейшин деревни, каждому из них обмакнули палец в чернила и провели им по бумаге. Каждому из них сказали: «Завтра тебе заплатят». А твой отец отказался макать палец в чернила, а потребовал калам⁹... Они пошептались между собой, дали ему калам, а он отказался подписываться, потому что бумага была составлена по-французски, а отец не знал французского, он владел языком Корана, да ниспошлет ему Аллах свою милость, после этого солдаты окружили его со всех сторон, надели на него наручники, силой обмакнули его палец в чернила и приложили к бумаге, а потом отправили его в тюрьму. Пока его не было, все земли обнесли колючей проволокой, ко мне домой зашел твой дядя, вот тогда-то я и увидела слезы в его глазах. Впервые в жизни я видела, что он плакал...»

Старик опять заговорил:

– Ты обязательно должен приехать в деревню и побывать на своей земле... Ты теперь стал мужчиной и возьмешься за то, чтобы снова восстановить связь между нами. Даже если твоя мать и будет противиться этой поездке, даже... – он вдруг умолк и пристально поглядел Касему в лицо, словно желая заранее узнать, что тот ответит ему, а потом добавил спокойным голосом:

– У тебя есть брат. Его, кажется, зовут Ибрагим, как мне сказала твоя мать. Я его еще не видел...

---

⁵ Уездный шейх – глава уезда.

⁶ Каид – староста деревни.

⁷ Махзен – центральная власть султана Марокко.

⁸ Самуд и Хам – легендарные племена, упомянутые в Коране.

⁹ Калам – тростниковое перо для письма.

Касем ответил, словно не расслышав всех его слов:

– Да, у меня есть брат Ибрагим, он пока еще не вернулся из школы.

Старик что-то пробормотал себе под нос и опять принялся расспрашивать:

– Сколько ему лет?

Касем ответил, стараясь придать голосу обычное выражение и изо всех сил подавляя в себе желание уйти отсюда:

– Сколько лет? Не знаю... Мы с ним почти ровесники...

Старик быстро отвел взгляд в сторону, но в его глазах промелькнуло что-то странное, и Касему показалось, что на лице его показалась хитрая усмешка.

– Мне кажется, он появился на свет через несколько лет после смерти моего брата, – сказал он и тут же, изменив тон, продолжил. – Да это и не важно. Ты уже мужчина, как я сказал, и понимаешь, что к чему. Ты сказал, что Ибрагим учится...

– Да. Готовит экзамен на степень бакалавра.

Но, кажется, старик не был удовлетворен ответом и снова принялся за расспросы. Тут его опять охватил сильный приступ кашля. Он кашлял, нашаривая рукой спасительный пульверизатор.

А Касем, наблюдая за движениями старика, вспоминал картины прошлого. «... Не забывай, мамочка, что я теперь в университете, а до этого проработал десять лет в начальной школе. Не может быть, чтобы мне сейчас было бы всего восемнадцать лет, как ты говоришь. Если сложить все годы работы и учебы, то это никак невозможно!» ... Мать смущенно отводит взгляд, а глаза ее молят о помощи и настаивают на своем, а Касему кажется, что к голубизне ее глаз примешивается краснота... Ее нежное тонкое лицо вспыхивает глубоким волнением, которое она напрасно пытается скрыть, гнев у нее нет предела, отговорит, глядя на него:

– Если бы ты был прав... Но ты не прав... То твоему брату сейчас уже перевалило бы за двадцать.

И она смотрит на него заискивающе, сдерживая в душе немые рыдания, а он отводит взгляд, берет за книгу и говорит, меняя тему разговора:

– Да что это мы в самом деле. Может быть, ты и права. Приготовь-ка мне чай.

Но она уходит не сразу, а еще на какое-то мгновение задерживается в дверях, глядя на него покорно и униженно, словно и сама не веря в то, что ей так быстро удалось убедить его. А он делает вид, что не замечает этого, поглощенный чтением. Она плетется на кухню, чтобы приготовить чай, а когда возвращается с подносом в руках, то Касем уже поднимается, собираясь уходить.

– Разве ты не будешь пить? – спрашивает она его.

– Конечно, только побыстрее, у меня назначена деловая встреча.

– Почему же ты сразу не сказал мне об этом, – упрекает она его, – я бы поторопилась.

Но он перебивает ее:

– Не беспокойся, мамочка!

Он готовился выйти из дому, а она, застыв, все смотрела на него. Он наизусть знал ее привычки. Она перестала садиться с ним вместе за стол с тех пор, как он достиг совершеннолетия. Мать постоянно пыталась завести с ним этот разговор о возрасте, используя для этого любой подходящий случай: и экзамены брата, и необходимые семейные документы. Касема, в конце концов, стали смущать эти ее попытки приблизить его возраст к возрасту брата. С ее стороны было неразумно пытаться сократить эту разницу в возрасте между ними, которая равнялась почти десяти годам. Но говорить ей об этом было бесполезно. Он пил чай, не отрываясь.

– Осторожнее, сынок, чай очень горячий, – предупредила она, подойдя к нему. – Но стакан был уже пуст. Мать стряхнула какие-то невидимые глазу пылинки с плеч Касема и подтолкнула его к дверям, сказав на прощание:

– Береги себя, сынок, да хранит тебя Аллах!

И прежде чем он успел шагнуть за порог, она удержала его и горячо прошептала, словно в последний раз пытаясь убедить его в своей правоте:

– Ты ошибаешься в своих подсчетах, сынок. Мы, женщины, лучше разбираемся в этих делах. Дни рождений для нас никогда не забываются... То потрясение, которое я испытала со смертью отца, подействовало и на ребенка, которого я носила тогда в своем чреве, не знаю, сколько длилась эта задержка, но это и есть разница в возрасте между тобой и Ибрагимом.

Он ласково отвел ее от порога и сказал, улыбнувшись:

– Может быть, так оно и есть... Я знаю... Не надо волноваться.

Он поцеловал ее в лоб и вышел. Ему казалось, что она все прислушивается к звуку его удаляющихся шагов до тех пор, пока они не затихнут, а потом плачет, выходя из оцепенения, в которое она впадает перед ним. Всем своим поведением она выдавала то волнение, которое охватывало ее каждый раз, когда она пыталась представить образ своего прошлого так, как ей хотелось бы, хотя давно уже было пора прекратить эти бессмысленные попытки.

...Старик стряхнул крошки со своей бороды и снова обратился к племяннику:

– Много всего произошло на этом свете, сынок, но мы ничего не забыли. Когда нас отпустили на волю, колючей проволокой уже обнесли почти все земли деревни, оставив лишь небольшой клочок. Как я советовал тогда твоему отцу выждать немного, но он отказался. Они затопили всю его землю, и у меня тоже они отняли лучшие уголья... И все же твой покойный отец не стал ждать.

Старик помолчал немного и спросил:

– Может быть, мать тебе уже рассказывала об этом...

И до Касема вновь донесся издали голос матери: «... Твой дядя поступил хитро. У него и вправду отняли землю, но он сговорился с кайдом по поводу земли других жителей деревни. Французы взяли его земли, но помогли ему самому захватить оставшиеся земли феллахов. И благодаря этому, земли у него оказалось еще больше, чем прежде. А твой отец был словно из другого теста, человек прямой, ученый, факих... Он не пошел этим обманным путем, и его бросили в тюрьму, но и этого им было мало, и тогда они убили его.

Касем удивился, он никогда не слышал, что отец его был убит. Он отложил в сторону тетради, которые держал в руке и принялся с удивлением расспрашивать мать: в то время ему было около десяти лет:

– Его убили? Разве он не умер, как другие? Почему раньше ты мне об этом ничего не рассказывала? Она утирала слезы, говоря ему:

– Почему не рассказывала раньше? Зачем тебе знать это? А десятилетний сын продолжал спрашивать:

– Как его убили?

– Они бросили его в тюрьму, а когда отпустили, он вернулся в деревню и увидел, что у него отняли землю и обнесли ее колючей проволокой. Тогда ночью, ни оказав никому ни слова, он взял ружье и пошел караулить судью. Наверное, кто-то увидел его. Он не обратил на это внимания, заметил только, когда солдаты уже окружили его со всех сторон. Его снова бросили в тюрьму и выпустили только спустя несколько месяцев... Тело его было... Да и какой смысл теперь описывать все это? Он прожил

после этого всего несколько дней, словно и отпустили они его только для того, чтобы он умер в своем доме.

Сказав это, она заплакала, и на глаза ребенка навернулись слезы. Очнувшись от слез, она попыталась утешить сына:

– Не печалься. Не надо бы знать тебе всего этого так рано.

Потом она поднялась, вложила тетради сыну в руки и велела ему учить уроки, а сама вышла,, делая вид, что очень занята...»

...Фатима, мать Касема, вошла в комнату с подносом, и разговор между дядей и племянником ненадолго прервался. Фатима была высокой и худой, на лице у нее лежала печать покорности. Ступала она осторожно, словно преодолевая преграды.

Скрестив ноги, она присела напротив них на циновку и стала разливать чай. Старик устроился поудобней и взял стакан. Среди этого затянувшегося молчания Касему неожиданно подумалось: «А о чем думает каждый из нас?» Сам он думал о том, что сейчас творилось в душе дяди и матери. Он исподтишка наблюдал за ними: мать время от времени отпивала чай, неподвижно уставившись на чайник и стаканы, стоявшие на подносе, то принималась поправлять волосы, выбившиеся из-под платка, то касалась рукой затейливого узора на блюде, на лице ее еще были заметны остатки былой красоты, отмеченные прелестью прошедшей молодости, которую не смогли скрыть морщины лет. Сколько она перенесла в своей жизни, сколько пере-страдала, чего она ждет с таким спокойствием? Легкой смерти, конца, прощения, отпущения грехов, как будто у смерти есть ступени? А старик разглядывает стакан, чуть отставив его в сторону. Мать словно очнулась от своих мыслей, когда раздался голос старика:

– Этот стакан чая надо бы выпить среди зелени полей, раскинувшихся повсюду, куда ни кинешь взор...

– А хорошо, наверное, сейчас в деревне, дядя? – спросил Касем. Старик, не расслышав вопроса, продолжал размышлять: вслух, глядя на Фатиму:

– Мне так тесно жить среди стен, и я удивляюсь тому, кто предпочитает городскую жизнь деревенской.

Фатима растерянно моргнула глазами, и Касему показалось, что на лице ее отразилась тревога, словно ее застали за каким-то преступлением.

Касем ответил дяде:

– Если бы деревенская жизнь была легкой, то никто бы не бежал от нее.

Мать вздрогнула, воем телом и заговорила, спокойствие снова возвращалось к ней:

– Наша деревенская жизнь не щадит слабого и того, у кого нет опоры на этой земле. В городе люди трудятся только для того, чтобы заработать себе на кусок хлеба, а в деревне ты трудишься для земли, для урожая, для коровы и еще для многого другого, и это тяжело, – и прибавила с уверенностью. – Очень тяжело для тех, кто слаб.

Старик отставил стакан в сторону. Он внимательно следил за движениями ее мысли. Ее слова вызвали в нем много чувств, несмотря ни на что он ощущал в ней горе. Про себя он думал о том, что она женщина и как в любой женщине в ней растет то, что она знает, как устроить свое дело, со всеми средствами, которые достались ей, с великой смелостью и редким упорством, если бы ни это, то дирхамы растаяли бы у нее в руках как соль. Женщина и какая женщина! Но одно лишь смущало ясность его мыслей, чтобы открыто объявить его женам и детям однажды, когда они сядут вокруг чая:

– Сука... Будь проклята она и этот город. Как будто ей здесь когда-нибудь отказывали в куске хлеба... Я привел ее к себе в дом, обрабатывал ее землю своими руками, сеял и пахал на ней, не позволяя ей ничего продавать из наследства моего брата. Я обеспечивал ее всем, что она желала...

И повернувшись к своим женам он говорил:

– Разве я ее попрекал чем-нибудь? Разве она не жена моего единственного брата, чего ей не хватало?

И он не примкнул вспомнить всю историю рода человеческого, начиная от Адама.

– Все же все вы женщины одинаковы. Кто знает, какая дурная мысль промелькнула у нее в голове или еще промелькнет в ваших головах? Но когда сын моего брата вырастет и станет мужчиной, то ей нечем будет объяснить ему свое бегство из деревни. Что она скажет ему тогда? Может, она заявит, что я захватил ее землю и доход с земли, а то еще, чего доброго, скажет, что я... Кто знает? Может быть, она соберет все небылицы, которые нашепчут ей женщины!

Старик поддержал слова Фатимы, подспудно чувствуя свою вину, что в жизни он слишком много злословил о ней или словно замаливая грех за такие свои мысли о ней:

– Все, что ты сказала, лила¹⁰, совершенно верно. Жизнь в деревне тяжела. Только мужчинам под силу вынести её. Но ведь мы не как все, и я не как все, да и ты не такая как все женщины. У тебя был тот, кто исполнил все бы твои просьбы и помог бы тебе в любых трудностях. Ну да не будем сейчас об этом... Что случилось, то случилось. И все же деревенская жизнь – это настоящая жизнь.

Касем вмешался с пылом человека, который хочет покончить с острой темой и прийти к согласию:

– В любой жизни свои недостатки и преимущества, дядя, сама благодать таится в деревенской жизни и в деревенских жителях, но если бы не жизнь в городе, то ни я бы, ни мой брат не учились. А это уже одна из привилегий города.

В этот момент в дверь позвонили, и Касем поторопился открыть. Он быстро вернулся в комнату, а за ним вошел юноша лет шестнадцати.

– Это мой брат Ибрагим, дядя Али, – представил юношу Касем.

Ибрагим подошел, смущаясь как красна девица... Поцеловал руку дяде, бормоча при этом что-то невнятное.

Старик с видимым удовольствием отнял у него руку:

– Благословит тебя Аллах. Он тоже уже совсем мужчина. Касему показалось, что на лице матери отразились уверенность и спокойствие. Она ответила:

– Да благословит тебя Аллах, хадж Али... Все вашей милостью. Я видела только добро с тех пор, как вошла в ваш дом. До этого я была несчастной сиротой, живущей на подавание в деревне после смерти моего отца.

Старик перебил ее:

– Боже сохрани, не вспоминай об этом. Ты сама благодать. С тех пор, как мой покойный брат женился на тебе, в наш дом сошла божья милость, ты из благородного рода, поэтому я и выбрал тебя для своего брата.

А Фатима опять принялась взволнованно повторять:

– Все вашей милостью, все вашей благодатью.

Касему показалось, что он впервые видит мать по-настоящему счастливой... О Аллах, а если бы он женился на ней после смерти отца? Как похожи они сейчас на двух молодцу людей, представляющих картину былой любви с фальшивыми лицами, а в душе Касему слышался слабый рыдающий голос матери: «... Я бежала не от деревни, совсем не так – а от твоего дяди, да, от твоего дяди... Он хотел жениться на мне после смерти своего брата».

Касем видел, как радостное волнение все яснее вырисовывалось на лице дяди. Интересно, о чем думает сейчас этот больной немощный старик? Какие мысли вызвали в его душе эти слова? Ибрагим по-прежнему стоял, не двигаясь, посреди комнаты, не в силах побороть смущение, потом, взяв стакан чая, собрался уйти на кухню. Дядя заметил это и спросил его:

– Разве ты не присядешь с нами?

– Уж такой он у нас, хадж Али, – вмешалась мать, – он почти никогда не садится с нами.

Старик что-то пробормотал себе под нос.

Не прошло и минуты, как с кухни послышалось «ах!» и звук разбитого об пол стекла. Мать попыталась подняться, но Касем усадил ее и сам пошел на кухню. Ибрагим был испуган и расстроен, осколки стакана были рассыпаны по полу вокруг него. Касем ободряюще потрепал его по плечу:

– Стоит ли так расстраиваться из-за какого-то стакана. У Ибрагима язык не слушался его:

---

¹⁰ Ли́ла (марок. диалект) – «госпожа», уважительное обращение к женщине.

– Да не в стакане дело. я вдруг почувствовал, что у меня закружилась голова, и я весь задрожал.

Касем перебил его, понимая:

– Не волнуйся. С нами со всеми иногда такое случается. Лучше соберем осколки.

Когда они убрали осколки, Касем взял Ибрагима за руку и повел его на семейный совет, он приказал ему, но в голосе его чувствовалась симпатия и любовь к брату:

– Посиди о нами. Ведь ты уже мужчина, а это – твой дядя.

Юноше казалось, что от волнения у него в груди клокочет вулкан. Он, согнувшись, присел на циновку у двери к потупил взор.

Касем протянул ему стакан с чаем:

– Пей. Когда пойдешь работать и разбогатеешь, купишь много стаканов, не то что один. Сказав это, он засмеялся, пытаясь развеять грусть, окутавшую лицо его брата.

Мать стала бледнеть, оживление постепенно исчезло с ее лица, а старик сузившимися глазами так и сверлил юношу, словно хотел узнать, что творится у того в голове.

Касем произнес бодрым голосом, стараясь изменить тему разговора:

– Вы уже начали экзамены?

– Нет. Через неделю, – ответил Ибрагим, быстро взглянув на брата и тут же опустил глаза.

– Надо, чтобы ты хорошенько подготовился, – продолжал Касем.

Ибрагим ничего не ответил, он уже допил чай и крутил в руках пустой стакан.

Касем сказал:

– Кстати, я бы хотел, чтобы ты почитал мне свои стихи, Ибрагим.

Юноша испугался, но Касем успокоил его:

– Я случайно наткнулся на тетрадку у себя на столе и прочитал несколько стихотворений.

В них что-то есть...

Тут Ибрагим окончательно успокоился и встал, бормоча:

– У меня... у меня... уроки... я должен повторять.

Он вышел. Мать тоже встала, сказав Касему:

– Сынок, пригласи дядю к себе в комнату.

И сославшись на работу на кухне, она вышла. А Касем помог дяде подняться и перейти в другую комнату.

Старик ухватился за створки раскрытого окна и стал глядеть на улицу и здания, тесно прижатые друг к другу, которые громоздились перед ним. Касем встал рядом. Старик сказал ему в шутовском тоне:

– Глаза устают глядеть на эти белые дома, то ли дело у нас, – зелень, земля, река.

Касем из вежливости согласился с ним. А тем временем старик следил взглядом за каким-то мужчиной, который нос корзину с овощами и скрылся в доме напротив. Он повернулся к Касему и спросил:

– Кто это?

Касем не понял:

– Вы про кого?

– Да про мужчину, который вошел в тот дом.

Касем даже не обратил на него внимания.

– Не знаю, – ответил он. – Мы все здесь не очень хорошо знаем друг друга.

Старик взглянул на него с нескрываемым удивлением: у него в голове не укладывалось, как это человек может не знать своего соседа, а Касем продолжал:

– Если бы вы спросили меня о наших непосредственных соседях, чья дверь находится рядом с нашей, я еще, может быть, и ответил бы.

Старик удивился еще больше:

– А в деревне люди знают даже собак и коров, знают, кто у них хозяин, да еще много чего знают из личной жизни этих хозяев.

Казалось, что холодный ветерок долетел до старика, и он закрыл окно, облокотился на подоконник, перевел дух: у него снова начинался приступ кашля. Касем помог ему сесть, и тот снова принялся впрыскивать себе в горло лекарство, потом долго и слабо кашлял, а когда кашель стал утихать, он сказал, еле выдавливая из себя слова:

– Мне не подходит морской воздух. В деревне я чувствую себя гораздо лучше.

Касем не расслышал его слов, но согласно кивнул. Он и представить себе не мог, как еще дух держится в этом немощном и изможденном старике. Сколько настоящих богатырей распрощались с жизнью из-за гораздо менее опасных болезней, чем та, от которой страдал его дядя.

Старик продолжал:

– Я хочу спросить тебя об одном человеке... Не говори мне, что ты его не знаешь – он один из самых важных и заметных людей в столице. Известный, богатый, многим помогает...

– Да? Кто же это?

– Хадж аль-Мансури.

– Аль-Мансури? Ах да, аль-Мансури, я о нем много слышал, это очень богатый человек, но я с ним близко не знаком. Я видел его всего лишь раз или два.

Старик, казалось, рассердился на слова Касема:

– Ты с ним близко не знаком? Как же так? Он же наш родственник. У нас с ним близкое родство. Надо, чтобы ты с ним познакомился, это будет очень полезно для тебя. Как это ты провел годы в столице и ни разу не удосужился связаться с ним?

Касем был сильно удивлен:

– Так вы говорите, дядя, что он наш родственник?

Старик уверенно ответил:

– Да. И ты должен знать это, а он меня хорошо знает. У нас общий прадед. А дед его был факихом, учил детей Корану. Сам он вначале был бродячим торговцем, познакомился с семьей, которая взяла его в учителя для своих детей в Рабате, здесь он женился и обосновался. И до недавнего времени, пока жив был мой отец, аль-Мансури и его отец часто навещали его во время урожая. Его отец был торговцем зерном, а сам аль-Мансури – нынче такой богатый и влиятельный – был тогда юношей не старше моего сына Салиха или твоего брата Ибрагима... Ибрагим, правда, будет повыше ростом. Я был намного младше аль-Мансури... После смерти отца он перестроил всю торговлю и разбогател. Он навещал нас раз или два после смерти отца, но все же в любом затруднительном положении он всегда был нам поддержкой, как в борьбе за землю, в той самой, жертвой которой пал твой отец.

Старик помолчал немного, пристально взглядываясь в Касема, словно желая убедиться в чем-то:

– Рассказывала тебе мать о том, как умер твой отец?

– Да. Говорила.

Старик заметно погрузнел и продолжил:

– В этом деле с землей мне помог только аль-Мансури, ведь они хотели отнять у меня всю землю, как поступили со многими. Я отправился к аль-Мансури, не знаю, как это я вспомнил о нем в тот момент, а у него была сильная рука среди французских властей в столице. Он дал мне письмо, с которым я отправился к здешнему французскому коменданту, и все произошло ко мне уважением, это и позволило вернуть часть моих земель, а недостающие земли мне заменили другими.

Старик остановился, впрыснул в горло лекарство и спросил:

– Ну, а как он теперь, я не видел его уже лет двадцать, если не больше...

– Со стороны кажется, что у него все в порядке, выглядит хорошо, крепко ступает по земле, – ответил Касем.

Старик не дал ему договорить:

– Ничего удивительного, – подхватил он. – Ему не приходилось, как нам всю жизнь гнуть спину на земле. И все же он намного старше меня. Ему сейчас уже, наверное, за восемьдесят... Где он теперь живет?

– У него роскошный особняк в квартале ас-Суиси, – ответил Касем.

Старик погрузился в давние воспоминания. Он знал аль-Мансури в тесных улочках старого города, еще до того, как тот перебрался оттуда и стал тем, кто он есть.

– Мы должны навестить его, Касем, – сказал он. – Я и для этого тоже приехал. Я познакомлю тебя с ним. И хочу еще поговорить с ним насчет земли.

– Земли?

– Да, именно так, сынок...

Касем не расслышал последних слов дяди, потому что в ушах у него звучал голос матери: «...Твой дядя и земля – это история, не имеющая конца, сынок. Не верь, когда говорят, что его обошли при разделе земель. Даже если бы он поглотил все земли, ему все равно было бы мало. Представь себе, что вся деревня стала его издольщиками и пастухами. А где все их земли? Часть их захватили французы, а остальные он прибрал к рукам, кто мог противиться, когда за него был сам французский начальник, и каид, и солдаты...»

Касем подумал про себя: может быть дядя был «обделен» и на этот раз? А старик продолжал излагать ему свое дело о земле, и Касему пришлось погрузиться в чуждый ему мир и события, о которых он ничего не знал раньше: независимое правительство представило проект конфискации земель у иностранных колонизаторов и возвращения их законным владельцам, и эти земли стремились скупить городские богачи и крупные чиновники путем всяких махинаций, а феллахам, истинным владельцам земли, чинили всякие препятствия, и они не могли найти пути, который привел бы их к земле. Вот тут-то и наступала роль хаджа Али.

– А что вы собираетесь делать, дядя? – поинтересовался Касем.

Старик ответил ему, горделиво опираясь на подушку:

– Я собрал феллахов, и мы написали петицию в министерство. Мы собрались в конторе каида и губернатора области и, в конце концов, продажу земель приостановили. Теперь земля временно находится под надзором правительства..

Касем решил выяснить подробности дела:

– А что может сделать аль-Мансури?

Старик снисходительно улыбнулся Касему, словно желая тем самым сказать: «Как еще мало сегодня ты разбираешься в делах, сынок!»

– Аль-Мансури, – объяснил он, – может пресечь любую попытку со стороны тех, кто захочет купить земли феллахов.

Старик остановился, борясь с приступом кашля, а потом продолжил:

– В этом деле есть и еще одна очень важная сторона: правительство будет делить землю среди всех жителей деревни поровну.

– Замечательно, – воскликнул Касем, не задумываясь.

Старик опять закашлялся, а потом сказал:

– Вот ты говоришь, что это замечательно. Ну что же, пусть будет так... замечательно, но надо, чтобы человек понимал во всем этом деле, все прояснится после встречи с аль-Мансури.

И старик принялся впрыскивать себе в горло лекарство, а в комнату вошла Фатима, чтобы приготовить стол для ужина. Старик что-то пробормотал и попросил теплой воды, чтобы совершить омовение: из-за этого разговора он совсем забыл о вечерней молитве.

Глава 3

Касем отдернул руку от звонка так, словно его ударило током: именно в этот момент за его спиной раздался радостный голос:

– Касем, привет, неужели это ты? Касем был сильно смущен, пожимая руку Ганаму, одному из своих сокурсников.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Ганам с веселыми нотками в голосе, а глаза его победно сверкали. Касем ответил, запинаясь, так, словно его застали на месте преступления. Было ясно, что его совсем не радует встреча с Ганамом:

– Я пришел навестить хаджа аль-Мансури... И нечему тут удивляться. Я обнаружил, что мы с ним родственники.

Ганам улыбнулся, как человек, посвященный во все тайны:

– Конечно, конечно, именно этот путь ведет к такому великому человеку, как он.

И устремив свой взор на возвышающийся роскошный особняк, прибавил:

– Адская тактика, прими мои поздравления.

Именно этого Касем и ожидал от своего приятеля, и его очень задел его тон. Касем часто вглядывался в маленькое безбородое лицо Ганама на коренастом теле, похожее на маленький мяч, поставленный на туго набитый мешок. Он обнаружил вдруг, что безобразность его приятеля и заключалась именно в этом несоответствии между маленькой головой и огромным крепко сбитым туловищем. Касема давно уже раздражало его безудержное щегольство. Он ответил ему, почти срываясь на крик:

– Какая тактика? Я же сказал тебе, что этот человек мне родственник, об этом мне недавно рассказал мой дядя, да он сейчас уже здесь, в этом доме.

Но Ганам, казалось, не верил ни единому слову, однако, в голосе его немного поубавилось цинизма. Он посоветовал Касему:

– Я и не собирался злить тебя. Как бы там ни было, ты вытянул счастливую карту, смотри, не потеряй ее. Вот если бы я был на твоём месте...

Он деланно поправил очки в золотой оправе и продолжил:

– Во всяком случае, я хотел бы поближе познакомиться с этим человеком... Как бы там ни было, я тебя поздравляю.

Он на прощание протянул Касему руку. Но Касем не двинулся с места, и еще долго следил за тем, как Ганам удаляется быстрым уверенным шагом. А тот, отойдя немного, снова обернулся к Касему и крикнул:

– Мне надо увидеться с тобой, Касем... Я пропустил несколько лекций... И завтра тоже не пойду...

Он еще раз помахал ему на прощание – улыбка по-прежнему не покидала его губ – а Касему подумалось: что могло привести Ганама в этот квартал. Ему вдруг показалось, что Ганам все еще стоит перед ним и отвечает со своей обычной ухмылкой: «Что меня привело сюда? Да я тоже, как некоторые, пришел навестить по-семейному кое-кого из великих». Как ненавидел его Касем в эту минуту и в то же время удивлялся его безграничной самоуверенности. Они давно были знакомы, но никакой особой дружбы между ними никогда не было: прежде чем получить университетскую стипендию, Ганам, как и Касем, был школьным учителем. Ганам первым завязал отношения с ним. Он стал вслух восхищаться Касемом, превознося до небес его способности, такой уж у него был подход. Касему казалось, что в Ганаме было что-то лисье, что и позволяло ему проникнуть в любую среду. Но вместе с тем, Касем не был убежден в верности своего суждения о Ганаме. Он боялся категорично судить о людях, он ни минуты не сомневался лишь в том, что поведение Ганама его сильно раздражало, и даже

эта его внешняя откровенность была в понимании Касема наглостью и хитростью. Как-то раз, выслушав критику Касема в свой адрес, Ганам сказал ему:

– Я беден, как ты видишь. И я должен любым путем выйти из этой бедности. В жизни я следую одной английской поговорке: «Тяни удочку или бей в цель в подходящий момент», я не собираюсь лукавить перед тобой, Касем, ведь ты такой же бедняк, как и я, и мы должны идти одним путем, но не строить себе несбыточных идеалов и фантазий. Просто я хочу жить лучше.

Их отношения не пошли дальше этого. Касема всегда коробил тон его друга, но все же подспудно он продолжал наблюдать за ним, ему хотелось бы вовсе не замечать его существования, но он не мог, очень часто Касем задавался вопросом, в чем причина этих чувств и его внимания к Ганаму, и приходил к выводу, что такое чувство у него, возможно, вызывало их различное отношение к учебе. Несмотря на то, что Ганам учился так же успешно, как и Касем, его нельзя было назвать серьезным студентом. Но разве только это могло посеять в душе Касема подобные чувства и мысли о его приятеле? Нет, но возможно, это чувство проистекало от того, что для Ганамы для успешной сдачи экзаменов все средства были хороши. Касем вспоминал, как его приятель шел на экзамены, как он входил в аудиторию, готовый на любой обман... И все же и этого было недостаточно для того, чтобы это острое чувство раздражения к Ганаму так глубоко укоренилось в душе Касема. Какими бы ни были причины, в Ганаме была бесконечная самонадеянность и безграничное самомнение, переходящее в тщеславие и высокомерие, которые сквозили во всем его поведении. В нем явно проглядывал карьеризм, возможно, именно два этих свойства характера Ганамы и порождали в Касеме это чувство. И сколько Касем не повторял себе: «Какое мне до него дало! Пусть себе живет, как знает. Какой есть, такой есть. Пусть он раздражает меня, но зачем мне думать об этом?» Внешне же в своих отношениях о Ганаме Касем казался спокойным и уравновешенным. Его скромность и простота вызывали уважение, а его помощь другим, его серьезное отношение к работе составили ему хорошую репутацию. Но, все это было только внешне, возможно, в глубине души Касем по своему характеру ничем не отличался от Ганамы, но все это было подсознательно, что и сближало двух приятелей, несмотря на их различные внешние проявления, – это-то и было причиной раздражения, царившего в отношениях между ними. И, возможно, смысл этого заключался в том, что Касем, движимый каким-то бессознательным желанием, отвергал в себе тот образ, который являл ему его друг и который открывал Касему его истинную природу, которую он пытался скрыть под выработанной внешностью, отличавшейся от его истинной природы. Иногда Касем, пугаясь, спрашивал себя: «Неужели правда, что Ганам воплощает в себе тип моей подсознательной личности?!» Напрасно он пытался восставать против этой тайной мысли, порой он чуть не кричал вслух, чтобы уверить себя: «Как бы там ни было, я отвергаю тип Ганамы, соответствует ли он его подсознанию или нет, и я отвергаю и свою подспудную природу, если она такая, как то, что заложено в Ганаме, и я изо всех сил буду бороться с ней, и этого мне достаточно...» Он словно успокаивался от этих утверждений...

Касем снова огляделся вокруг, его взгляд скользнул по тихому красивому кварталу, небо было окрашено в цвета заходящего солнца, в воздухе витали ароматы цветов и душистых трав. Он опять направился к железным воротам, протянул руку к звонку и решительно нажал на него.

Большие железные ворота приоткрылись, и показалась голова слуги-негритенка, который поинтересовался у Касема, что ему нужно.

– Я хочу видеть хаджа аль-Мансури, – ответил Касем.,

Мальчик исчез, а спустя несколько минут в воротах появился человек в белых одеждах, которые носили все слуги в доме. Судя по всему, это был отец мальчика.

– Что угодно господину? – спросил он.

– Я хотел бы встретиться с хаджем аль-Мансури. Он дома?

На лице слуги отразилось некоторое замешательство. Не отвечая на вопрос Касема, он опять спросил:

– Как зовут господина?

– Касем.

Впервые в жизни Касем запнулся, произнося собственное имя. А слуга осведомился:

– Как фамилия господина Касема?

Касем ужаснулся пустоте своего имени, словно оно было чужим, он много раз повторил его про себя: что-то неопределенное, лишённое смысла, звучания, а на ум приходили другие имена, полные достоинства и значения. Но они не имели к нему никакого отношения, как, впрочем, и он к ним, – он знал это и раньше, но никогда еще в жизни ему не приходилось оказываться в такой критической ситуации, где вес имени играл свою особую роль. А слуга выжидательно смотрел на него: Касем... Какой такой Касем? Те имена никогда не сопровождаются подобным вопросом, коротким и красноречивым, определяющим смысл и значение твоего имени в мире имен: какой такой?..

Касем ответил нерешительно, словно двигаясь на ощупь в кромешной тьме:

– Касем... Касем аш-Шави.

Ну что, заполнилась ли теперь пустота? Приобрело ли вес его имя? Взгляд слуги оставался равнодушным, и тогда Касем торопливо принялся объяснять ему, когда тот уже собрался было скрыться за воротами:

– Послушай, там сейчас в доме с хаджем аль-Мансури один старик-бедуин. Его зовут хадж Али. Это мой дядя. Я хочу увидеться с ним или позови его сюда.

Слуга, не говоря ни слова, исчез, потом вернулся и пригласил Касема войти. Касем шагнул за ворота и оказался в просторном полукруглом дворе, выложенном мраморной плиткой, в центре его били струи фонтана, а по обе стороны за низкой балюстрадой симметрично был разбит пышный сад, окружавший особняк в глубине двора, к которому вела высокая лестница.

Касем поднялся по ступенькам вслед за слугой и остановился под навесом перед дверью с разноцветным витражом. Слуга нажал кнопку звонка, дверь тут же отворилась, и он пригласил Касема войти. Касем очутился в просторной прихожей, увенчанной куполом с великолепной лепниной, от которого по потолку разбежался затейливый гипсовый орнамент. В раскрытые двери прихожей виднелось множество комнат, обставленных прекрасной мебелью. В одной из них Касем увидел высокого мужчину: тот молился. А тем временем слуга подал ему знак войти в одну из комнат, слева от прихожей, где сидел только его дядя, развалившись на огромных подушках, среди которых его едва можно было разглядеть, перед ним стоял низкий столик с чайными принадлежностями. Несколько минут спустя в комнату вошел аль-Мансури и приблизился к Касему, расположившемуся на циновке напротив двери. Хадж Али. Принялся представлять его:

– Вот он, сын моего брата... Касем...

– Да, я догадался, – ответил аль-Мансури, перебирая янтарные четки, – здравствуй, Касем.

У аль-Мансури были густые торчащие вверх брови, продолговатое лицо с резко выступающими скулами и огромный выдающийся вперед нос. Во всем его облике проглядывала та сила, которой обладал он в молодости, но было видно, что теперь он заметно ослаб.

Он обратился к Касему с упреком:

– Как же ты, сынок, не навестил нас ни разу, ведь столько лет живешь здесь, как рассказал мне твой дядя?

Касем смутился, его тронула простота этого человека, он чуть было не сказал: «А я и не знал, что мы родня», но, вспомнив об известности аль-Мансури, его благодеяниях и многочисленных паломничествах, он вовремя спохватился и ответил:

– Я не был достоин этой чести, сиди.

И тут в разговор вступил его дядя:

– Вот такая она, нынешняя молодежь! Не интересуется родственными узами, не ищет своей родни...

И он в который раз стал пересказывать историю прадеда аль-Мансури, который хотя и покинул деревню, но завещал своим сыновьям не забывать родных мест и своих земляков. Он вспоминал, как аль-Мансури еще юношей приезжал со своим отцом в деревню во время сбора урожая. А потом, обратившись к аль-Мансури, который, казалось, верил во все, что тот говорил, сказал:

– И все же, хадж, согласишься со мной, что после смерти твоего отца, да ниспошлет ему Аллах свою милость, ты навещал нас не очень-то часто.

Аль-Мансури изобразил на лице глубокую скорбь:

– Здоровье, хадж, уже не то.

Хадж Али согласно кивнул в ответ: аль-Мансури напомнил ему и о своих собственных болезнях, он нашарил рукой пульверизатор и несколько раз впрыснул себе лекарство в горло, хотя по нему и не было заметно, что у него начинается приступ кашля.

Аль-Мансури снова обратился к Касему:

– А где ты учишься? Я не очень-то хорошо понял это со слов твоего дяди.

– На филологическом факультете. Отделение...

Аль-Мансури перебил его: он никогда не интересовался подробностями:

– Я знаю многих студентов, они иногда обращаются ко мне за помощью. Да простит Аллах, не помню их имен, но мой племянник и факих ат-Таги записывают все имена, ты наверняка знаешь кого-нибудь из них.

Касем поспешил ответить аль-Мансури, судорожно сжимая в руке стакан чая, который подал ему мальчик-слуга, и ему показалось, что он слышит чей-то чужой голос:

– Да, вы так добры. Вы несете добро и счастье, ведь школы, больницы, мечети, которые вы построили...

Аль-Мансури перебил, не обращая внимания на его слова:

– Моей заслуги, сынок, в этом нет. Это щедрая рука Аллаха дарует, строит, осыпает нас милостями, а я всего лишь орудие для исполнения воли Всевышнего.

Он помолчал немного, а потом принялся повторять: «Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха!», а горошинки четок так и переливались, быстро мелькая в его пальцах. Наконец, остановившись, он прибавил:

– Мы должны гордиться тем, что оставили нам наши предки. Далеко мне до своего отца! Ведь я видел, как он был щедр и великодушен, сынок.

Эти слова всколыхнули бурю в душе хаджа Али, так ветер надувает широкие паруса, он принялся воскрешать в своих речах образы прошлого, предков, благодатного времени, восхвалять умеренность людей в желаниях и поступках, их умение довольствоваться малым, не то что сейчас. Говоря о давно минувших днях, он рассказывал, что тогда даже стакан чая уже казался счастьем и каким счастьем! У них в деревне медный поднос, чайник и стаканы были только в доме у его отца. Да и во всем племени этим владели лишь немногие, может, не больше пяти семей, и, когда у кого-нибудь в доме останавливался гость, то отправляли верхового до ближайшей деревни, чтобы одолжить все необходимое для чая. Иногда тот занимал даже и сам чай и сахар. И никто не считал это зазорным, а нынче ни от кого и слова не услышишь о благодеяниях господних. И он закончил убежденно, обращаясь к аль-Мансури, который, казалось, по-настоящему понимал его:

– Люди разучились довольствоваться малым, хадж.

Аль-Мансури с воодушевлением подхватил его слова:

– Многое утрачено, хадж, – вера, благодарность, благотворительность, очень многое, брат мой...

Хадж Али кивнул:

– Я тоже имел в виду, что люди утратили умеренность, веру и... и многое другое.

Касем почувствовал себя лишним, на него совсем не обращали внимания, а аль-Мансури тоже принялся рассуждать о прошлом, когда человек и один финик, и чашку воды, и ломоть хлеба почитал за благо, не то, что нынче:

– Деньги, каждый требует денег, – возмущенно говорил он. – Даже нищие и попрошайки уже не довольствуются куском хлеба насущного. Утром подашь, а он к тебе норовит вернуться и в полдень, и вечером... О Аллах, Аллах...

В пальцах хаджа Али быстро замелькали четки. Потом он вдруг остановился и обратился к аль-Мансури таким голосом, словно раскрывал ему страшную тайну:

– Ты только послушай, хадж, что я скажу тебе по поводу нынешней умеренности и благодарности...

В нескольких словах он описал образ одного крупного чиновника, который не то что не просит подавания ломтем хлеба или одним фиником, а требует протекции для продвижения по службе. Или еще один очень большой; человек, который только и ищет возможностей, как бы забраться повыше, а еще третий, и четвертый... Все они трясутся за свое место и только и думают о том, как бы пробиться повыше... Он недовольно махнул рукой и снова принялся за четки, сказав при этом:

– Каждый попрошайничает, словно нищий... Помилуй и спаси нас Аллах!

Эти истории о золотом времени умеренности и благотворительности и о настоящем, полном алчности и корыстолюбия, как-то сближали этих двух людей, а Касем казался среди них каким-то неизвестным звеном, вырванным из времени и не принадлежавшим к определенному периоду.

Вошел слуга и накрыл стол для обеда в дальнем углу этой просторной комнаты. Следом за ним вошел человек, судя по всему, приехавший из деревни, в ветхой одежде, было видно, что он рад этому дому и его обитателям. На нем была черная джеллаба из грубой шерсти, на голове – чалма, на ногах – разбитые башмаки, которые он снял у порога. Грубой шершавой рукой он пожал руку Касема и его дяди и занял место около стола, сказав при этом по-крестьянски добродушно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.